

Сергей Пономаренко

Ловушка в Волчьем замке

Наверху! Вот прекрасное слово! Вся моя жизнь была определена этими противоположностями: верх-низ. С детства я безнадежно стремился быть наверху. И вот я там. Ныне, когда я достиг вершины, я умру, оставаясь на ней.

Сальвадор Дали

У старых грехов длинные тени.

Агата Кристи

Пролог

Житомирское Полесье. Имение Вилкаса

По парку, примыкающему к огромному дому в стиле старинного замка-дворца, двигалась странная парочка. Девушка в красной бейсболке, облегающей открытой майке и очень коротеньких шортах-трусиках, почти не прикрывающих ее упругий задок, бежала неторопливой трусцой. Ее ровное дыхание и размеренный, отработанный шаг

стайера говорили, что бежать ей в удовольствие и столь низкий темп она держит из-за спутника — атлетически сложенного мужчины среднего возраста, в синей бейсболке и таких же синих майке и трусах, передвигающегося рядом на инвалидной мотоколяске. По-дружески болтая, они прогуливались по асфальтированным дорожкам среди деревьев и копий античных статуй. Прелестная пасторальная картинка служила им фоном.

— Рассмешила ты меня! — заулыбался мужчина, и его квадратное лицо с мощным подбородком боксера расслабилось и слегка поплыло. Такое выражение бывает у хищника, когда он сыт и не желает, чтобы нарушали его покой. — Марат? Я понимаю, что это интерпретация твоего имени, но оно мужское.

— В школе, в первом классе, меня незаслуженно обидел мальчишка, и, вместо того чтобы расплакаться, пожаловаться учителю, я со всего маху врезала ему головой в живот. Удар спровоцировал у него приступ аппендицита. Когда меня спросили, почему так поступила, я расплакалась и сказала, что это была не я, а Марат. С тех пор близкие друзья, которым известна эта история, меня так называют.

— Марат! В этом что-то есть! Буду тебя так же называть — Марат. Ведь мы с тобой близкие, — мужчина сделал на этом слове ударение, — друзья.

— Вы — босс. И можете меня, — девушка сделала ударение на этом слове, — называть как хотите.

Мужчина нахмурился — он понял намек.

— Лучше поговорим о делах наших скорбных — служебных. — Теперь мужчина говорил жестко. — Ты звонила Пилипчуку и передала мои требования?

— Все до последнего слова, ничего не упустила. Пилипчук просит вас отсрочить возврат долга и не применять штрафные санкции, мотивируя это тем, что мировые цены на зерно упали, а ему весной пришлось много пересевать, да и удобрения все время растут в цене. В разговоре он раз десять упомянул, что вы друзья, а с друзьями так не поступают.

— В бизнесе, как и в преферансе, друзей нет, есть лишь партнеры. А партнеры, как известно, величина переменная.

— Он обещал в самое ближайшее время приехать к вам, чтобы в личной беседе найти компромисс.

Дорожка вывела их на открытую местность — огромный газон с клумбами.

— Не верится, что не так давно здесь были корты и я играл в теннис... — с грустью произнес мужчина.

— У вас обязательно все наладится! — попыталась подбодрить его девушка.

— В этом не сомневаюсь, — жестко произнес мужчина. — И в утешениях я не нуждаюсь.

Раздался звук, словно невдалеке треснуло сухое дерево, бейсболка слетела с головы мужчины, и по его лбу потекла кровь. Он резко рванул на себя все еще бегущую девушку и вместе с ней и коляской, тоже продолжавшей двигаться, опрокинулся на землю. Второй выстрел поднял фонтанчик земли в двух метрах от них. Девушка, лежа спиной на мужчине, заорала, отчаянно размахивая руками и ногами.

— Не ори! — прикрикнул на нее мужчина. — Ему нужен я, а не ты!

Он высвободился и отполз под прикрытие мотоколяски.

— Идиот! — заорал он в мобилку. — В меня стреляют! Молнией на старые корты!

Дрожащая девушка устроилась рядом с ним и надела упавшую бейсболку, но мужчина резким злым движением сорвал ее и швырнул на землю:

— В этом «семафоре» ты — прекрасная мишень!

Послышался шум мотора — к ним на бешеной скорости мчался черный джип.

— Друзья мне не надоедают никогда, друзья меня убивают иногда!¹ — с чувством и иронией произнес мужчина.

Джип остановился рядом с ними, и двое охранников, вооруженных автоматом «Сайга» и помповым ружьем, бросились в сторону леса, начинавшегося метрах в двухстах от них.

Коротышка с большими ушами подскочил к мужчине:

— Григорий Антанасович, вы ранены?

— Не дождетесь — только царапина. Попади он на пару сантиметров ниже — и вы остались бы без работы. Хотя я об этом еще подумаю!

— Сейчас собаку привезут — выловим подлеца, никуда не денется.

Два охранника подхватили мужчину и занесли в джип, а следом и мотоколяску. Джип укатил, оставив на месте происшествия девушку, которая вновь надела бейсболку и неторопливо побежала в сторону дома.

---

¹ Аллюзия на афоризм Ларошфуко «Друзья мне не надоедают никогда, друзья мне изменяют иногда, а недруги мне просто надоели, их постоянство — сущая беда». (*Здесь и далее примеч. автора .*)

* * *

Киллер, чертыхаясь, пробирался через колючие, цепляющие одежду кусты.

— Идиот! — ругал он себя. — Целиться надо было в туловище, а не в голову. С такого расстояния ему был бы каюк!

Добравшись до болота, он перешел на мат, словно это должно было ему помочь, и с отвращением ступил в холодную зловонную жижу. Он знал: если пустят по его следу собак, здесь поиски и закончатся.

Часть I

Спокойной ночи, босс!

1

Пассажиры недавно приземлившегося двухпалубного аэробуса «Боинг-747» рейса Париж — Киев проходили пограничный контроль, теряя терпение и удивляясь дотошности и неторопливости смазливых девушек в униформе, внимательно изучающих их паспорта.

«Нет радостного возбуждения при возвращении домой, а ведь прошло более двух

лет», — с удивлением отметил Тимош Вакуленко, получив обратно паспорт от архисерьезной чернявой девушки, исполнявшей свои обязанности в прозрачной кабинке, и направился в багажное отделение. Это был высокий привлекательный двадцатитрехлетний брюнет с длинными волосами, стянутыми на затылке в хвост, внешне напоминающий актера Ди Каприо в молодости. В белых льняных брюках и свободной расписной футболке, не скрывающей его спортивную, поджарую фигуру, он невольно выделялся в толпе пассажиров и притягивал взгляды женщин.

Делано радушный женский голос доносил через динамики информацию для провожающих-отъезжающих; багажная «карусель», как тихоструйная речка, несла к ногам нетерпеливых пассажиров их родные сумки и чемоданы с милыми сердцу тапочками, подарками и прочей ерундой. Тимоша переполняли противоречивые ощущения. За время, проведенное во Франции, он отвык слышать родную речь. С другой стороны, все было до боли знакомо и буднично, казалось, что он никуда не уезжал и его парижская жизнь была не иначе как сном.

Большинство пассажиров рейса Париж — Киев составляли его соотечественники. Рядом с ним пристроилась темноглазая и темноволосая попутчица, она что-то беспрерывно говорила,

говорила, говорила грудным голосом с завораживающим придыханием. Он ее не слушал — догадывался, что она настроилась на продолжение знакомства после общения во время полета. Они сидели рядом, а дорога всегда располагает к разговору. И еще: она напонила ему Моник. Темноволосую нежную смешливую Моник... Только Моник носит короткую стрижку с подбритым затылком, которая ей очень идет, гармонируя с ее худошавой фигурой манекенщицы. У попутчицы были длинные черные волосы, собранные на затылке в «ракушку».

Два с половиной счастливых года, проведенных в Париже, перевешивали двадцать лет жизни, прожитых до этого. Во время полета Тимош с тоской вспоминал вечерние прогулки вдоль ленивой и загадочной Сены, блистающие огнями праздничные Елисейские поля, богемные Монмартр и Монпарнас, шумную и веселую атмосферу уютных бистро, неповторимые вечера в легендарных кафе «Два мага», «Де Флор», «Дом», «Клозери де Лила», «Ротонда». Что сейчас делает любимая? Вспоминает ли его? И как скоро он вернется в Париж? Несколько часов разлуки с любимой уже растянулись на болезненно долгое время. И когда он снова ощутит ее рядом с собой?

Заметив свою тощую коричневую сумку среди увесистых баулов соотечественников, Тимош легко

подхватил ее. Попутчица продолжала назойливо вертеться возле него, следуя за ним как тень, гордо выставляя напоказ выпирающую из глубокого декольте грудь четвертого размера. Он из желания убить время поговорил с ней, а она наверняка вообразила себе невесть что! Пожалуй, за время их совместного полета успела мысленно выйти за него замуж, родить троих детей, построить дом, завести собаку, развестись с ним, отсудить себе дом и вытребовать алименты... Знал он таких эмансипе с журчащим грудным голосом... Своей любимой Моник он не изменит никогда! И вообще, он однолюб!

Все же на прощанье Тимош чмокнул неумолкающую попутчицу, подставившую щечку, но, промазав, попал ближе к уху, и подался к выходу. Девушка успела сунуть ему в карман брюк листок. Тимош решил избавиться от него чуть позже, не демонстративно — ведь не кирпич в карман ему сунула, а номер мобильного телефона. Из ее бесконечного потока слов ему запомнилось лишь одно: узнав, что он художник-портретист, она захотела заказать ему портреты — себя и своего малютки. Исходя из цели поездки на родину, Тимош понимал, что у него вряд ли на это найдется время. Да и не хочется ему тут задерживаться — в Париже ждет любимая Моник!

Тимош прошел через «зеленый коридор» — ему нечего было декларировать. Вещей в сумке кот наплакал, а из ценностей — раритетное издание «Journal d'un génie»², подарочное издание «Тайной жизни Сальвадора Дали, рассказанной им самим», планшет и фотоаппарат «Никон». Эти книги Тимош не случайно всюду возил с собой, так как был ярким почитателем Сальвадора Дали как художника и избрал его себе в качестве незримого наставника. Тимош, как человек амбициозный, жаждал мировой славы и, несмотря на увлечение далинизмом и сюрреализмом, избрал стезю художника-портретиста.

«Если ты играешь в гения, ты им становишься», — поделился ключом к успеху гениальный до безумия Сальвадор, но мало это знать — этим надо жить, верить в это и творить! У Тимоша пока не получалось посвятить этому всего себя, но он жил в ожидании своего звездного часа, не сомневаясь, что тот настанет. Он был убежден: при любых жизненных неудачах нельзя терять веру в собственные силы. Все великие проходили через сомнения и непризнанность, но они упрямо заявляли о себе и в итоге заставили в себя поверить.

---

² «Дневник одного гения» — мемуары Сальвадора Дали, изданные в 1964 году в Париже (фр.).

Настойчивости и упрямства Тимошу было не занимать, но он также реально воспринимал происходящее — пока удивлять мир и завоевывать славу ему было нечем. И он напряженно работал, писал картину за картиной, знал, что это произойдет внезапно, и, как вещал гений Дали: «Комар, ранним утром впивающийся вам в ляжку, может послужить молнией, которая озарит в вашем черепе не изведенные еще горизонты». Тимош шел мелкими шажками к успеху, сберегая силы для рывка, выжидая, когда увидит впереди финишную прямую. Но вот неожиданное приглашение мужа покойной тети Магды заставило его вернуться на родину.

Тимош шел к выходу через общий зал аэропорта, продолжая себе удивляться: нет радости от возвращения в родные пенаты. Даже синдром блудного сына, о котором столько писано и говорено, никак не проявился. В Париже его настоящая жизнь, в Париже! А пресловутая ностальгия, тоска по родным местам — это для пенсионеров!

После смерти матери его здесь никто не ждал. И сам он не желал встречаться с бывшими одноклассниками, однокурсниками, соседями, разве что с другом детства Федей не прочь был повидаться. Все, что было пережито с ними, осталось в прошлом и в закоулках памяти. А

прошлое лучше не тревожить, так как оно может самым неожиданным образом напомнить о себе в настоящем. Старый телеспектакль «Не будите спящую собаку» по пьесе Пристли³ предупреждал, что опасно копаться в прошлом и что последствиями этого могут стать самые неожиданные события. Еще подростком Тимош смотрел этот спектакль, но почему-то тот ему запомнился на всю жизнь.

Тимош жил настоящим, без давящего груза прошлого, его кредо было: «Только вперед — к будущему!» Жизнь на родине не радовала светлыми воспоминаниями. То ли дело Франция, с которой, без сомнения, он связывал всю свою дальнейшую жизнь! Там — учеба в художественной школе, насыщенная жизнь, веселые друзья. И главное — там Моник, самый любимый человек на свете... Она осталась в Париже, в Латинском квартале, на улице Эколь, и, возможно, сейчас пьет с друзьями латте в старом кафе «Прокоп», а ему пришлось лететь сюда, приняв удивительное предложение Григория Вилкаса, мужа его покойной тети Магды. С причудами этого, по сути, чужого для него человека

---

³ Спектакль поставлен по мотивам пьесы английского драматурга Джона Бойнтон Пристли «Опасный поворот».

Тимошу приходилось считаться, так как все эти годы дядя финансировал его жизнь в Париже.

«Ах, Париж, Париж!» У Тимоша возникло острое желание вернуться туда — покинуть родную землю, не выходя за пределы аэропорта. «Глупо, раз прилетел сюда! В кармане всего двести евро, этого на обратный билет не хватит. Зачем я согласился на эту авантюру? Ну, поскольку я здесь, встречу с мужем покойной тети, узнаю его истинные намерения и — адью! Домой, в Париж!» Сокрушенно вздохнув, Тимош вышел через распашные прозрачные двери.

Плотная стена встречающих у выхода, сплошь незнакомые лица. И кого он хотел здесь увидеть? Кто спокойно стоит, держа в руках табличку с именем прибывающего, кто нервно вытягивает шею, словно жираф, высматривая кого-то, будто это улучшит зрение. Внимательно изучив таблички и не найдя своего имени, Тимош решил, что его не встречают, хотя это было обещано в письме. Ну ладно, адрес дяди у него есть, а двести евро хватит с головой, чтобы нанять автомобиль для поездки в его имение.

У выхода из зоны прибытия пассажиров толклись «грачи», «бомбилы» — частные извозчики, спешащие перехватить седоков до того, как те попадут на стоянку такси.

— Monsieur, un taxi pour la ville, pas cher!⁴ — услышал он рядом корявый французский от долговязого тощего мужчины, крутящего на пальце брелок с ключами от автомобиля.

— Удиви меня! — рассмеялся Тимош. — Если поездка обойдется дешевле, чем два раза слетать на Луну, тогда я поверю, что за время моего отсутствия здесь что-то изменилось.

— Месье Вакуленко?

Это был скорее не вопрос, а утверждение. Обернувшись, Тимош увидел стройную блондинку в очках с большими темными стеклами. Они мешали разглядеть лицо, зато все остальное было выставлено напоказ: золотые струящиеся волосы; идеальной формы спортивная фигура под полупрозрачным сарафанчиком, который практически ничего не скрывал, зато подчеркивал золотистый загар; губы, покрытые зеркальным блеском золотистого цвета. Она вся была золотая, как... Он задумался, а потом закончил мысль: как статуэтка «Оскар». Ему стало смешно: «Оскар», в смысле гендерной принадлежности, — противоположность этой секси!

Он улыбнулся золотистой барышне:

— Да, я Тимош Вакуленко. А вы кто?

---

⁴ Господин, такси до города, дешево! (фр.)

— Я — Марта, секретарь господина Вилкаса. Мне поручено встретить вас.

Сказано это было официальным холодным тоном, и Тимош даже поежился. Золотистая девушка ставила между ним и собой стену официоза. Такова стратегия красавиц — привлечь к себе внимание, и чтобы тот смельчак, которому позволили разрушить эту стену, ощутил себя счастливым, хотя на самом деле он попал в ловко расставленную, заправленную приманкой ловушку. В данный момент стену выстраивало отличное исполнение роли вышколенного секретаря. «Секси, мне до тебя нет дела, меня Моник ждет в Париже!»

Тимош подмигнул «бомбиле»:

— Пролетаешь, дружище! Видишь — меня встречают. Так что полет на Луну откладывается.

«Золотистая статуэтка», не задавая вежливых вопросов — «Как прошел полет? Как вы себя чувствуете?» — строго сказала, словно училка непослушному ученику:

— Ступайте за мной. Машина на стоянке.

Гордо неся себя, походкой манекенщицы на подиуме она направилась к выходу из терминала. Тимошу не понравилась роль послушной собачки, которую тащат на поводке, и он съязвил:

— Как мне повезло, мадемуазель Марта! Половина мужчин в этом зале были бы в восторге

услышать эти слова от вас! Et voilà tout⁵, — подвел он черту под своим намерением немедленно вернуться в Париж.

— Считайте, что вы счастливчик. — Марта соизволила на ходу обернуться и подарить ему холодную улыбку. — И для вас все только начинается, — продемонстрировала она знание французского языка.

Взгляд Тимоша непроизвольно скользнул по ее спине вниз, где заманчиво двигались упругие полушария без признаков целлюлита. «Сколько ей лет? Она старше меня, ей явно под тридцатник, но выглядит сногшибательно! Впрочем, чего ожидать от секретаря миллионера?» Тимош вспомнил свою Моник — высокую, худощавую, веселую, нежную и, главное, для него родную. «Любимая, не бойсь! Кроме тебя мне никто не нужен! От золотой секси Марты веет холодом, а от тебя, любимая Моник, — радостью жизни!»

— Пойдите, Марта, зачем так спешить? Давайте выпьем кофе и спланируем наши дальнейшие действия. Я угощаю!

— Как вам будет угодно, месье Вакуленко.

---

⁵ Вот и все (фр.).

— Марта, то, что я прилетел из Франции, не означает, что ко мне надо обращаться «месье». Привычнее по имени — Тимош.

— Хорошо... Тимош.

— Где тут можно поменять еврики, чтобы расплатиться за кофе?

— Вы — гость босса, и это уже моя забота. Для таких целей предусмотрены представительские расходы. Может, вы хотите пообедать? Мы приедем после обеда и задолго до ужина.

— Нет, — мотнул головой Тимош. — Возьму только кофе. И коньяк, пожалуй.

Они уселись у яркой, блестящей металлом стойки бара, за которой выстроились рядами разноцветные бутылки. Марта заказала себе латте, а Тимош — двойной эспрессо и порцию коньяка. Подняв пузатый бокал, рассматривая напиток на свет, Тимош с удовольствием отметил:

— По французским меркам тут две порции!

— Вы удивлены, словно и в самом деле здесь впервые. — Ироничная улыбка промелькнула на губах Марты. — Быстро вы «офранцузились».

— Не так легко перестроиться, но это не важно. Перестань мне выкать, иначе я заставлю тебя выпить со мной коньяка на брудершафт.

— В присутствии господина Вилкаса и его окружения я не смогу с вами фамильярничать — он этого не любит.

— А что дядя Вилкас любит? И кого? — Тимош в упор посмотрел на блондинку. «Неужели она просто секретарь? Как говорится, плоха та секретарша, которая не побывала в постели босса». Но Марта невозмутимо пропустила намек мимо ушей.

— Господин Вилкас любит только себя, и кроме себя — никого. Вы уже допили кофе? Нам пора ехать.

— Кофе и коньяк пьют ради удовольствия, а не для того, чтобы утолить жажду.

Тимош не спеша наслаждался напитками, делая маленькие глотки, ловя послевкусие. Марта с подчеркнуто безучастным видом сидела рядом, словно статуя или кукла.

«Точно, кукла — нарядная, на вид сексуальная, но... холодная. Хотя бы ради приличия поддерживала бы беседу! Просто ждет, как терпеливая бонна, пока навязанное ей дитяtko свои потребности удовлетворит».

Разомлев от коньяка, выпитого на голодный желудок, Тимош охарактеризовал Марту так: бездушная, расчетливая стерва, возможно, даже имеет виды на дядю. Пожалуй, его приезд нарушил ее далеко идущие планы. Впрочем, какое ему до этого дело? Он не собирается здесь долго задерживаться — в Париже его ждет любимая Моник.

— Я хотел бы заехать в свою квартиру, принять душ, немного отдохнуть.

— Это исключено! Господин Вилкас приказал нигде не задерживаться. Насколько мне известно, ты сдаешь свою квартиру внаем. Имеешь желание познакомиться с арендаторами? — продемонстрировала свою информированность Марта.

«Она хорошо подготовилась к встрече со мной. Это неудивительно, раз дядя решил сделать меня своим наследником».

Арендой квартиры занималась соседка по этажу, давняя мамина подруга Елизавета Петровна, и раз в полгода она пересылала ему полученные от арендаторов деньги. Тимошу стало очень грустно — он вспомнил похороны мамы, как ему помогали соседи. Перед отъездом во Францию он оставил Елизавете Петровне ключи и оформил на нее доверенность. «В самом деле, для чего мне там показываться? Елизавета Петровна все держит под контролем».

— Как бы то ни было, зачем такая спешка? — не удержался Тимош и добавил ехидно: — Мы поедем туда на автобусе и уже опаздываем на рейс?

— Господин Вилкас — человек непростой в общении. Он не любит, чтобы ему противоречили, игнорировали его приказы. Любое его пожелание

следует выполнять без возражений и незамедлительно.

— Марта, ты думаешь, что я приехал, чтобы исполнять роль слуги? Я человек свободный, могу сейчас развернуться и улететь обратно в Париж ближайшим рейсом.

— Можешь улететь и можешь остаться — твое право. Во втором случае мои советы будут весьма полезны, чтобы твое пребывание здесь чем-нибудь не омрачилось. Вопреки твоему желанию.

— С чего это ты так заботишься обо мне? — неприязненно произнес Тимош. — Ты впервые увидела меня и сразу решила, что я нуждаюсь в твоей опеке?

— Господин Вилкас очень сложный человек, и ужиться с ним кому бы то ни было непросто. Как я поняла из нашего недолгого общения, у тебя тоже с этим проблемы. Одноименные полюсы, как известно, отталкиваются.

— Расскажи мне о дяде, — пьяно улыбаясь, попросил Тимош, толкнул опустевший бокал по полированной стойке по направлению к бармену и сделал знак, чтобы тот его наполнил. Искося взглянул на Марту: как та отреагирует? Никаких эмоций! — Ты его боишься. Может, и мне стоит побережться? Расскажи, что он за человек? А может, он робот? Инопланетянин?

— Волк.

— В смысле? Что значит «волк»?

— Вилкас по-литовски означает «волк», — бесстрастным голосом произнесла Марта, и это бесило Тимоша. — Этот человек — волк-одиночка. Волк, который держит в страхе всех, кто от него зависит, а он делает зависимыми тех, кто ему нужен. Он никого не любит, кроме себя. И пожирает неудобных. Различными способами.

— Дядя Гриша — волк-людоед?! — Тимошу стало смешно, он подумал: «Может, еще коньячка потянуть?» — и вновь отправил по стойке опустевший бокал бармену, но Марта его перехватила, показав этим, что спиртного уже хватит.

— Зачем ему понадобился я? Он прислал сухое письмо, в котором буквально потребовал прибыть в его имение. Не приеду — он перестанет оплачивать мою учебу в художественной школе, вообще финансировать мое пребывание в Париже. Это дорогой город, Марта! Очень дорогой! А я хочу стать художником и жить во Франции, а не здесь!

— Письмо готовила я, и там ясно сказано, что господин Григорий Вилкас видит тебя своим наследником. Пусть ты и не кровный родственник, а племянник его жены, но он выбрал тебя.

Тимош пожал плечами:

— Ну и указал бы меня в завещании. Зачем вызывать меня в авральном порядке?

— Видимо, хочет присмотреться к тебе. Узнать, что ты за человек, можно ли тебе доверить в будущем управление его детищем — компанией по добыче гранита.

— Я художник, а не бизнесмен! Мне что, теперь прислуживать ему, чтобы понравиться?

— Это твое дело, и тебе решать, как поступить. Вставай, время не ждет — господин Вилкас намерен сегодня с тобой встретиться.

— А если я не желаю? — Тимош пьяно хохотнул, но все же встал.

Марта внимательно на него посмотрела и, кивком указав на Тимоша, велела бармену:

— Ему двойной кофе и сэндвич!

После еды и кофе алкогольный туман немного рассеялся в голове Тимоша, и он с подозрением посмотрел на Марту. «Уж слишком она откровенничает как для идеальной секретарши, тем более что видит меня в первый раз. К чему бы это?»

— А почему ты помогаешь мне? И какая тебе разница, уеду я или нет? Я свободный человек и не привык следовать чьим-либо правилам.

— Будем считать, что я привыкла добросовестно выполнять свою работу. Господин Вилкас заинтересован в твоём присутствии в его имении. — Марта помолчала, словно собираясь с

мыслями, и многозначительно добавила: — Но, может быть, не только это.

— Что же еще?

Марта мило улыбнулась:

— У нас еще будет время для разговоров.

Идем к автомобилю.

С первого этажа терминала «Д» они вышли прямо на стоянку. Под конструкциями терминала ощущалась приятная прохлада, температура была не намного выше, чем в кондиционированном помещении, тогда как на открытом пространстве солнце буйствовало в полную мощь, тем более что было уже больше трех часов. Марта направилась к черному внедорожнику «Ниссан-Патрол». Водитель, крупный мужчина лет пятидесяти в белоснежной тенниске, находился в салоне и слушал музыку. Тренированное тело с буграми мышц ясно говорило о том, что он не всю жизнь проводит в водительском кресле.

— Коля, это Тимош Вакуленко, племянник босса.

Марта предложила Тимошу сесть на заднее сиденье автомобиля и сама устроилась рядом. Водитель никак не отреагировал на появление Тимоша, лишь слегка повернул голову и скосил глаза в сторону Марты, всем своим видом говоря: «Ну, что дальше?» Тимош еще до Парижа не раз замечал, что собаки и водители невольно

повторяют повадки своих хозяев. Судя по всему, хозяин этого водителя — порядочный хам.

— Коля, едем домой. — Марта открыла сумочку, достала пудреницу и, глянув в зеркало, убедилась, что у нее все в порядке с внешностью.

«Ниссан», неспешно набирая скорость, выкатил на шоссе, на развязке выехал на автостраду и помчался в сторону Киева. Между пассажирами и водителем поднялась звуконепроницаемая перегородка. За окном потянулся сосновый лес, то и дело мелькали богатые усадьбы, соревнующиеся между собой в размерах и архитектурных изысках.

— Насколько мне известно, это будет твоя первая встреча с господином Вилкасом? — Марта сняла очки. У нее оказались большие выразительные голубые глаза, в них читался интерес.

— Да нет. В далеком детстве, когда мне было лет пять, родители несколько раз брали меня с собой в гости к тете Магде. Помню, у них была огромная квартира на Печерске. Муж тети Магды был в необычных блестящих черных сапогах, и я расплакался — так мне захотелось иметь такие же. Много позже я узнал, что это были специальные сапоги для верховой езды.

— Господин Вилкас увлекался верховой ездой, пока около года тому назад с ним не произошел несчастный случай. Преодолевая

барьер, лошадь упала и придавила всадника. Он получил серьезную травму позвоночника, перенес две операции, сейчас проходит реабилитацию. Рядом с ним постоянно находится врач-массажист.

— Я этого не знал, и в письме об этом ничего не было сказано.

Тимош задумался: инвалидность дяди Гриши стала для него неожиданностью. Что еще его ожидает? Жизнь постоянно подбрасывала ему сюрпризы. В десять лет Тимош потерял отца — тот погиб на охоте при невыясненных обстоятельствах: то ли несчастный случай, то ли самоубийство, то ли кто-то хитро-мудро помог ему уйти в мир иной. У мамы Тимоша на выяснение причин не было ни сил, ни терпения, ни денег. С того времени они с мамой находились в полной зависимости от супругов Вилкас. Вообще-то материальную поддержку им оказывала тетя Магда — сестра мамы и крестная Тимоша. Им грех было жаловаться: тетя Магда не скупилась и ни в чем им не отказывала. Тимош постоянно попадал в разные передряги, как в школе, так и после ее окончания, из которых его то и дело приходилось вытаскивать. Благодаря слезным просьбам мамы и усилиям тети Магды он стал учиться в университете, на факультете международных отношений, но его хватило только на первый курс, и с карьерой

дипломата было покончено. После семейного совета ему был поставлен конкретный вопрос:

— Кем ты хочешь стать? Какая сфера деятельности тебя привлекает?

— Хочу выучиться на художника, — не задумываясь ответил Тимош.

Ему и в самом деле нравилось рисовать, и это у него получалось. С помощью тети Магды он вскоре стал студентом Художественного института, проучился полтора года, и тут произошла ужасная история, которая могла для него закончиться совсем плохо. Во время веселой вечеринки, когда Тимош, напившись и обкурившись марихуаной, лежал почти без чувств, в другой комнате произошло групповое изнасилование его сокурсницы, получившее широкий резонанс в СМИ. Пострадавшая девушка заявила, что Тимош в этом не участвовал, но, поскольку речь шла о наркотиках, руководство вуза сочло необходимым распрощаться со студентом, который имел к этому преступлению косвенное отношение.

Самым ужасным было то, что в это время умирала от рака желудка его мама, и после этой истории ее самочувствие резко ухудшилось. Вскоре мамы не стало. У постели умирающей тетя Магда пообещала, что и впредь будет заботиться о Тимоше, пока он не встанет твердо на ноги. У нее возникла идея послать его учиться во Францию, что

и было исполнено вскоре после похорон мамы. Тетя Магда пережила свою сестру всего на год — умерла от какой-то болезни. Это известие Тимош получил через месяц после ее похорон — муж тети Григорий Антанасович Вилкас прислал ему письмо, в котором также сообщил, что будет продолжать оплачивать его учебу и проживание в Париже, и до последнего времени свое обещание выполнял.

Три дня назад Тимош получил весьма необычное письмо. Григорий Вилкас видит в нем своего наследника. Тимошу следовало незамедлительно прибыть к нему для участия в составлении завещания. Молодой художник не мог пренебречь возможностью получить в наследство миллионы Вилкаса, пусть даже в весьма отдаленном будущем, и отправился в дорогу, хотя и не понимал, почему дядя требовал приехать срочно. Что-то в этом было не так.

— Марта, а к чему такая спешка? Что-то дядю Григория беспокоит? Его инвалидность не является же угрозой для жизни. Или есть другая причина?

Марта бросила многозначительный взгляд в сторону водителя, хотя от него их отделяла звуконепроницаемая перегородка.

— Господин Вилкас физически крепок, бодр, и со временем он, несомненно, переборет болезнь и встанет на ноги. — И тут же она перевела разговор

на другую тему. — Тебе знакомы места, куда мы направляемся?

— Это где-то в Житомирской области? Никогда там не был.

— Имение находится между городами Коростень и Овруч, на Полесье.

— Коростень? Где в стародавние времена древляне убили князя Игоря, а княгиня Ольга жестоко им отомстила? Воспоминания из школьной программы.

— Вилкасы — это древний литовский род. Во времена Великого княжества Литовского они выстроили в этой местности замок, который со всех сторон окружала непроходимая пуца. Рядом были селения, жители которых занимались бортничеством и охотой. Время и войны не пощадили замок, от него остались лишь руины. Два десятка лет тому назад господин Вилкас занялся воссозданием родового замка, но построил его по-новому. Как первоначально выглядел замок, описаний не сохранилось, и господин Вилкас включил свою фантазию, пригласил архитекторов. Перед тем как приступить к строительству, археологи провели раскопки. Найденные старинные предметы находятся в личном музее господина Вилкаса.

— Прикольно! Выходит, я буду жить в средневековом замке.

— Разочарую тебя — это очень современный дом. Впрочем, вскоре сам увидишь.

Автомобиль въехал в Киев, из-за потока транспорта его скорость значительно снизилась. Тимош жадно всматривался в знакомые пейзажи Левобережья, разбудившие в нем воспоминания. Переехав по мосту через красавец Днепр, они свернули в сторону Подола.

Глядя в окно со своей стороны, Марта спросила:

— У Вилкаса был сын. Я его не застала. Что тебе известно о нем?

— Его звали Ярослав, я его почти не знал, — он был гораздо старше меня. — Тимош потер лицо ладонями, словно пытаюсь освежить воспоминания. — Мы не общались. Слышал, что вроде он с отцом не очень ладил.

Тимош прекрасно помнил Ярослава и, что греха таить, завидовал ему.

Ярослав был типичным представителем золотой молодежи: блестящее образование, знание нескольких иностранных языков, голливудская внешность, светские манеры. Все время пропадал за границей, дома бывал нечасто. Чтобы привлечь сына к дому, отец купил ему «феррари» — немислимый по стоимости подарок и, как оказалось впоследствии, для Ярослава роковой. Однажды в ненастную погоду скоростную машину

занесло на вираже и она превратилась в груды металла. Ярослав погиб в одну секунду, должно быть, даже не успев понять, что происходит.

Тимошу вспомнились торжественные похороны Ярослава, устроенные с размахом. Черный катафалк «кадиллак», какой он видел только в фильмах; дорогостоящий полированный гроб, так и оставшийся закрытым, — при ударе автомобиль загорелся и взорвался; скованное маской боли лицо тети Магды, ее заплаканные глаза; участок на престижном и безумно дорогом Байковом кладбище, где позднее рядом с сыном упокоилась и тетя. Странно, что дядя, Григорий Вилкас, ему не запомнился, хотя они встречались. Голос его Тимош помнил — громкий, резкий, бросающий в дрожь, а лицо, фигуру — нет. После смерти сына для Магды сестра и племянник стали самыми близкими людьми. Она действительно не жалела для них денег, окружила заботой.

— Так у дяди вроде сестра еще есть, — спохватился Тимош. — Сводная. Она же более близкий родственник, чем я?

— Лайма Антанасовна, — кивнула Марта. — Она имела неосторожность выйти замуж без согласия господина Вилкаса за человека «не из их круга». И тогда между ними словно пробежала черная кошка. К тому же она человек очень энергичный, упрямый, своевольный, имеет долю в

их семейной компании, но значительно меньшую, чем у господина Вилкаса. Всего этого предостаточно, чтобы вызывать неприязнь у господина Вилкаса. Они общаются, но... — Марта многозначительно помолчала и затем перевела разговор на другую тему. — Мама господина Вилкаса, Эмма Александровна, жива, проживает вместе с ним.

— Ого! Ей, должно быть, за девяносто перевалило, если не все сто стукнуло! — воскликнул Тимош.

Ему вспомнилось, как в детстве мама подвела его к сгорбленной старухе, которая ему показалась настоящей Бабой-ягой, и он расплакался. Но она оказалась очень ласковой, кормила его конфетами и гладила по головке. А вот на похоронах Ярослава ее не было, а может, она не выходила из автомобиля?

— Эмма Александровна немного не в себе, но Вилкас, надо отдать ему должное, к ней относится как любящий сын. Для остальных он — волк, постоянно ищущий добычу, сбивший своих приятелей в стаю, чтобы легче справляться с очередной жертвой.

— Марта, ты его так сильно не любишь?

— Он мой босс, и этим все сказано. Рассказываю, чтобы лишить тебя иллюзий.

Марта замолчала, видимо, сожалея, что разоткровенничалась. Тимош невольно погрузился в воспоминания.

Прошлое уже не казалось таким далеким, вспоминалось много приятных событий. Главное место в этих воспоминаниях занимала Леночка — его школьная любовь, дочь крутого бизнесмена. Они долго встречались, хотя ее родители были против. И тут эта ужасная вечеринка, чуть не сломавшая ему жизнь. Тимош напрягся, вспоминая события того вечера. Придурки Вовик, Спица и Мец изнасиловали девчущку из параллельной группы, предварительно накачав ее спиртным и дурью. Хорошо хоть пострадавшая показала, что он в этом не участвовал, и стараниями тети Магды его из соучастника переквалифицировали в свидетеля. Четырех дней, проведенных в КПЗ, откуда его то и дело вызывали на допрос к следователю, оказывавшему на него давление, он не забудет никогда. Сломался он в первые сутки и подписал все, что подsunул следователь, и если бы не тетя Магда... Как только его освободили, он сразу позвонил Лене, но она не захотела его слушать. Многие друзья тогда от него отвернулись, словно от прокаженного. Только бывший одноклассник Федя повел себя как настоящий друг. Тимош решил, что надо будет как-нибудь ему позвонить, встретиться, попить с ним пивка — им есть что

вспомнить. Да, такими друзьями не разбрасываются!

Благодаря тете Магде у него появилась возможность уехать за границу, чтобы учиться в художественной школе, и это был наилучший вариант в его положении. К тому же он сразу вырос в глазах знакомых и бывших друзей. Те, кто отвернулся от Тимоша, стали вдруг названивать ему в Париж, желая использовать его для реализации своих планов. Но он повел себя с ними так, как и они с ним, — проигнорировал, ответил молчанием.

«Леночка!» Ее имя заставило сердце биться учащенно, всплывали чудесные воспоминания об их встречах-прогулках вдвоем. «А почему бы и не встретиться с ней?» — загорелся Тимош. Ему вдруг захотелось услышать ее голос, и образ Моник неожиданно будто закрыла туманная дымка.

Тимош вытащил из кармана мобилку.

— Разрешите звонок другу? — иронично поинтересовался он у Марты и, не ожидая ответа, начал набирать номер домашнего телефона Леночки — другого у него не было. Зная, что в это время, скорее всего, она на работе, а может, продолжает учебу где-нибудь за границей, он не надеялся, что она возьмет трубку.

— Алло! — Чудо произошло: она подняла трубку!

— Bonjour! Peux je entendre...⁶ — начал Тимош, но не выдержал и радостно заорал, да так, что Марта вздрогнула: — Ленка, привет! Прилетел из Парижа и мчусь дальше! Из всех номеров телефонов только твой вспомнился! Что делаешь?

— Тимош... — В голосе Лены прозвучали искренняя радость и удивление.

— Он самый. Буду проезжать под твоими окнами, помашу полосатым платочком. Как отреагируешь?

— Отец в больнице, я сейчас у мамы. Запиши номер моего мобильного. — И она быстро продиктовала его. — Сейчас не могу говорить, извини!

Лена отсоединилась. Несмотря на кратковременность разговора, Тимош остался доволен. «Лена не бросила трубку, услышав мой голос, и даже дала номер мобильного! По-прежнему боится мамы, поэтому оборвала разговор. Однако зачем мне номер ее телефона, когда в Париже меня ждет Моник?»

— Друг занят? — с иронией поинтересовалась Марта.

— Мы сами разберемся! — разозлился Тимош и подумал: «Чего она сует нос куда не следует?»

---

⁶ Здравствуйте, могу ли я услышать... (фр.)

После полуторачасовой езды по вполне приличной трассе джип неожиданно съехал на ухабистую грунтовку, уходящую просто в лесную пущу. Через сотню метров грунтовка стала шире и превратилась в настоящую дорогу, только с щебневым покрытием. Но радости от этого было мало, потому что камни из-под колес пулеметной очередью забарабанили по днищу. Джип, чтобы уменьшить канонаду, пополз с черепашьей скоростью.

Тимош хмыкнул:

— Такое ощущение, что по этой дороге можно попасть либо в сказку, либо, что более вероятно, на ремонт автомобиля. Хотя первый вариант мне нравится больше. — Он выжидающе посмотрел на Марту.

— Чего спрашиваешь, если скоро сам увидишь?

— В конце дороги избушку на курьих ножках?

— Немного терпения — и окажешься в сказке.

Щебневая дорога сделала крутой поворот и неожиданно перешла в прекрасную современную трассу с твердым покрытием, подобно тому, как бедняжка Золушка превратилась в прекрасную

принцессу. Въезд на дорогу преграждал мощный автоматический шлагбаум, рядом с ним красовалась табличка с предупреждающей надписью на желтом фоне: «Частная собственность. Въезд и вход строго запрещены. Злые собаки! Видеонаблюдение». Вправо и влево тянулся металлический забор со спиралью колючей проволоки по верху. Установленная на высоком металлическом столбе видеочкамаера настороженно вглядывалась зеленым глазом. В нескольких десятках метров от шлагбаума виднелся домик охраны под красной ондулиновой крышей. Водитель вытащил пульт, нажал на кнопку, и шлагбаум поднялся.

Когда джип проезжал мимо домика, Тимош увидел у входа охранника в черной униформе, похожего на морского пехотинца. Он держал на поводке здоровенную немецкую овчарку.

— Серьезная охрана. Есть кого опасаться? — удивился Тимош.

— Для господина Вилкаса важно спокойствие, он не любит непрошенных гостей, — пояснила Марта бесстрастным, «секретарским» голосом.

Километра через три лес перешел в парковую зону с круглыми беседками и статуями в античном стиле. Дорога, прямая как струна, вывела к огромному, облицованному полированным камнем двухэтажному зданию с остроконечными башенками, сверкающему в солнечных лучах. Это

было что-то среднее между Воронцовским дворцом в Алушке и фантастическим замком из фильмов-фэнтези. Тимоша поразили большое количество арок, арочные и стрельчатые окна с затейливыми переплетами, геометрический орнамент по фасаду. Это было смешение разных архитектурных стилей, слитых буйной фантазией архитектора в одном здании явно под влиянием Востока. Тимош, разбирающийся в архитектуре, смотрел на это чудо с восторгом, но и с недоумением.

— Как тебе замок? — поинтересовалась Марта. — Впечатляет?

Тимош скептически усмехнулся:

— Не думаю, чтобы средневековый хоть отдаленно напоминал нынешний... Дядя объединил под одной крышей все минувшие века.

Марта качнула головой и взглядом указала вдаль:

— Если присмотреться, можно заметить на холме позади этого здания развалины того, старого. Настоящего. Видишь, вон там, среди зелени?

Тимош присмотрелся и хмыкнул:

— Издали они похожи на серые валуны, на них я насмотрелся за время нашей поездки. Будет время, обязательно схожу к ним.

— Ну, кому как... — пожала печами Марта. — В XV веке замок в виде башни находился

на холме, в народе прозванном Волчьей горой, но его разрушили и сожгли. В XVII веке Вилкасы вернулись сюда и построили замок на том месте, где сейчас стоит этот дом, но во время восстания Богдана Хмельницкого замок снова разрушили и сожгли. В XIX веке Вилкасы снова отстроили замок, и теперь это был уже дворец. Но, поскольку они участвовали в Польском восстании, дворец сожгли. Господин Вилкас построил современное здание сообразно своему видению и с учетом предложений архитектора.

— Родовой замок Вилкасов, словно Феникс, восстает из пепла, — улыбнулся Тимош и вспомнил, как Марта охарактеризовала Вилкаса. — Замок Волка на Волчьей горе — Волчий замок! Если я правильно подсчитал, замок разрушали через каждые двести лет. Не скажу, что это чудесное место, за которое надо так упорно цепляться. Глушь, далеко от цивилизации. Лучше было построить такую хоромину-огромину в более веселом и людном месте.

— Упаси тебя Бог сказать об этом господину Вилкасу!

Джип тем временем подъехал к главному входу, высадил пассажиров и поехал по дороге, огибающей дом. Тимош и Марта остались стоять перед величественной лестницей с двумя десятками ступеней, которая вела к массивной дубовой двери.

Все здесь было устроено с размахом и должно было внушать трепет. Однако Тимош искренне не понимал, зачем Вилкасу понадобилось в лесной глуши создавать подобное чудо.

— С тыльной стороны дома — въезд в подземный гараж, — пояснила Марта. — Подземная часть дома не уступает надземной. Ну, постепенно обо всем узнаешь, освоишься.

Золотистая девушка, словно кинозвезда в Каннах, бабочкой вспорхнула по лестнице. Тимош следовал за ней. Двери распахнулись перед ними, словно по волшебству. Тимош ожидал увидеть за ними ливрейного слугу или дядю собственной персоной. Однако в просторном прохладном вестибюле их встретил только охранник — в черном костюме и галстукe, похожий на героя фильма «Люди в черном». Тимошу сразу бросилась в глаза широкая мраморная лестница, напомнившая ему фильмы про старину, где точно по таким лестницам сновали brave кавалеры во фраках и томные дамы в платьях со шлейфами.

— Как дядя передвигается по дому? — поинтересовался он, наклонившись к Марте. — Или он выше первого этажа не поднимается?

— Где только можно, сделали пандусы и подъемники, — так же тихо ответила девушка.

Поднявшись на второй этаж, они оказались в полукруглом холле, из которого выходили три